

— Маленький герцог шутит, раз уж вы одарили меня этим, наложница, естественно, будет беречь его как зеницу ока, как же я могу отдать это кому-то другому?

Личико Цзян Юйчжу постепенно озарила улыбка.

Теперь, когда дело зашло так далеко, она смирилась со своей судьбой: в худшем случае её снова высмеют те самые литераторы.

По сравнению с налаживанием хороших отношений с отпрысками военных, эти насмешки для неё — сущая мелочь.

Цзян Юйчжу медленно развернула бумагу в руке.

В тот же миг все взгляды устремились на неё, и стоило ей лишь бросить взгляд на листок, как её лицо резко переменялось, и она замерла на месте.

Увидев это, Чжао Гао, Вэй Цзичжэн и прочие книжники тут же покривились в насмешливых улыбках.

— Ха-ха-ха, похоже, стихотворение о красавице, написанное старшим господином Сюй, оказалось настолько потрясающим, что даже барышня Юйчжу потеряла дар речи!

Чжао Гао слегка постучал складным веером по ладони и насмешливо улыбнулся.

— То-то же! Насколько же крут старший господин Сюй? Его стихи наверняка такие же, как и его нрав — безудержные до крайности!

Вэй Цзичжэн тоже сплошной усмешкой изошел.

Он ни за что не поверил бы, что какой-то распутник способен сочинить что-то стоящее.

Поэтому он в упор уставился на Цзян Юйчжу, боясь, что та подменит бумагу:

— Барышня Юйчжу, зачитывайте же скорее, давайте все вместе как следует насладимся шедевром маленького герцога Сюй.

— Верно! Барышня Юйчжу, не прячьте, читайте вслух!

Толпа отпрысков гражданских чиновников и ученых мужей тоже принялась наперебой поддакивать.

Услышав это, Чэн Ху и другие дети военачальников почувствовали, как их сердца рухнули на самое дно.

Лишь Сюй Ань, покручивая в руке веер, слегка покачал головой: «Хе-хе, вы ведь и впрямь считаете, что ваши лица недостаточно опухли, и так старательно подставляете их под удар!»

— Верно, это... это шедевр, абсолютный шедевр.

Тут застывшая Цзян Юйчжу наконец пришла в себя, её прелестное личико пылало от возбуждения и потрясения.

Даже руки, державшие бумагу, слегка подрагивали.

— Красавица скатывает жемчужную занавесь,

Сидит в глубине покоев, хмурит брови-мотыльки.

Но видны следы высохших слёз,

И неведомо, на кого сердится её сердце...

— Это прекрасное стихотворение, нет, это великое стихотворение, способное потрясти древность и современность...

Цзян Юйчжу подняла листок и слегка поклонилась Сюй Аню:

— Маленький герцог и вправду невероятно талантлив, эта скромная женщина восхищена.

Неудивительно, что Сюй Ань говорил, будто это стихотворение создано специально для неё — буквально каждое слово западало ей в душу.

Благодаря одной лишь этой поэме она, Цзян Юйчжу, сможет прославиться на веки вечные и стать знаменитой куртизанкой будущих поколений. Разве не этого добиваются бесчисленные продажные женщины, отдающие сердца хоть сколько-нибудь одарённым литераторам?

Кто бы мог подумать, что то, о чём беспрестанно молят тысячи людей, этот главный столичный гуляка сотворил мимоходом.

Цзян Юйчжу втайне радовалась: хорошо ещё, что она не послушала Сюй Аня и не перепоручила это стихотворение кому-то другому, иначе убыток был бы неисчислимым.

Улыбки на лицах Чжао Гао, Вэй Цзичжэня и всей компании ученых мужей в этот миг застыли.

Они остолбенели, не веря собственным глазам.

Они-то думали, что Сюй Ань выдаст что-нибудь столь же нелепое, как вчерашняя «Ода ветке дерева», а он вдруг разродился таким шедевром.

Настоящим шедевральным творением.

Соседняя комната.

Одетый в белое юноша несравненной красоты стоял у окна.

Дослушав прочитанные Цзян Юйчжу стихи, он слегка постучал складным веером по ладони, чуть прищурился и тихо произнес:

— Прекрасные стихи!

Именно она была третьей принцессой Дун Юй, Юйвэнь Цзянь.

На сей раз, взяв псевдоним Цинь Вэньцзянь, она последовала за великим конфуцианским ученым Фань Мао в Великий Гань, но, сочтя скорость посольства слишком медленной, вместе с служанкой бросила их, переделась в мужское платье и первой прибыла в столицу Великого Ганя.

— Прекрасные стихи? Принцесса... то есть, молодой господин, разве не говорили, что этот писака — полный дурак?

Служанка, заметив, что Цинь Вэньцзянь погрузилась в задумчивость, с любопытством спросила:

— В донесениях так и было написано, но донесения — вещь зачастую не слишком точная.

Цинь Вэньцзянь улыбнулась и произнесла:

— Уходя отсюда, вели кому следует заново перепроверить происхождение Сюй Аня. Император Юанькан назначил его главой посольства по встрече гостей: если он не сошел с ума, то этот малый куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— По крайней мере, одной этой поэмой он вполне сможет потягаться с талантами нашего посольства из Дун Юй.

— Разумеется, при условии, что это стихотворение и впрямь принадлежит его перу.

Служанка усердно кивнула:

— Слушаюсь, молодой господин, как только выйдем, я тотчас распоряжусь всё проверить.

В другой комнате.

Чэн Ху и остальные отпрыски военачальников не разбирались в достоинствах и недостатках стихов, но по перекошенным лицам Чжао Гао, Вэй Цзичжэня и остальных было очевидно — это безусловно великолепное произведение.

— Ха-ха, видали? Вот что пишут мои братья! Ну что, признаете поражение? Признаете?

Чэн Ху тут же подскочил, уперев руки в боки, и заносчиво задирает компанию Чжао Гао.

— Ха-ха, это кто тут заявлял, будто мой брат пишет стихи о забое свиней? А ну выходи, кто это сказал?

— Тц-тц, Чжао Гао, братец хочет спросить, твоё лицо ещё не опухло? Тебе приятно?

— ...

Остальные дети военачальников тоже обступили Сюй Аня, скрестив руки на груди и топая ногами, упиваясь триумфом перед кликой Чжао Гао.

За все эти годы, стоило дойти до литературных споров, разве они хоть раз не уходили посрамленными?

Ныне же им выпал шанс наконец-то выпрямиться во весь рост и вздохнуть свободно, и они, разумеется, намеревались сполна вернуть всю накопленную ранее обиду.

— Этого не может быть, этого не может быть...

Вэй Цзичжэн отступил на два шага назад, позеленев от злости.

Он изначально рассчитывал воспользоваться случаем, чтобы хорошенько растоптать Сюй Аня, но никак не ожидал, что Сюй Ань отвесит ему столь звучную пощёчину.

И главное — как первому таланту столицы, столь безупречному стихотворению надлежало

исходить из его собственных рук, а не из рук какого-то никчёмного гуляки.

Разве тот заслуживал обладать столь совершенными стихами?

— Ты не сам это написал, ты смухлевал!

Вэй Цзичжэн вдруг что-то сообразил, ткнул пальцем в Сюй Аня и громко заорал:

— Точно, ты определённо жульничал! Твой отец вчера сгреб по меньшей мере пол-учителей всей столицы, это наверняка они помогли тебе сочинить!

Стоило услышать это, как Чжао Гао тоже мгновенно прозрел.

И правда! Каков нрав этого мота, разве они не знают?

Человека, который в обычное время даже иероглифы до конца не различает, с какой стати писать такие дивные стихи?

Стопроцентно это дело рук тех учительшек, которых вчера переловил Сюй Сяо и подсунул ему.

— Сюй Ань, раз у тебя есть хоть капля мужества, пиши сам! Выставлять напоказ чужие стихи — неужто дети военных и вправду до такой степени бессовестны?

Чжао Гао ткнул в Сюй Аня складным веером и громко выругался.

Толпа отпрысков гражданских чиновников и ученых мужей тоже принялась наперебой клеймить Сюй Аня позором.

Глава 12

Наблюдая за этой сценой, Сюй Ань испытал глупое раздражение.

Твою ж мать! Стихи плохие — значит, это я сочинил.

Стихи хорошие — так сразу не я!

Выходит, правота целиком зависит от того, как вы повернете? Насколько же вы лицемерны?

— Идиот!

Сюй Ань уставился на Чжао Гао и постучал себя пальцем по лбу:

— Чжао Гао, у тебя в голове тофу вместо мозгов? Поразмысли своей тыковкой, во что из того, что ты сам наговорил, можно поверить?

— Это те учителя помогли мне написать? Будь у них и вправду такой талант, разве прозябали бы они простыми учителями?

— К тому же, не говоря о них, возьми твоего отца Чжао Си, именуемого лидером литературного круга Великого Гань — нашлось ли у него хоть одно стихотворение, способное сравниться с моей Поэмой о красавице?

Литературная сцена Великого Гань давно захирела, и за последние сто лет достойных произведений набралось всего ничего.

Иначе с какой стати набравший силу Дун Юй посмел бы заявлять о себе и в открытую претендовать на передел литературной удачи Великого Гань?

В конечном счете, Великий Гань сам проявил слабость: здешняя наука консервативна и не терпит новшеств, и даже малейший прорыв люди спешат утаить, страшась чужих взоров.

При таком раскладе процветания в литературе жди только до второго пришествия!

Чжао Гао же лишь презрительно фыркнул на слова Сюй Аня.

Глядя на него, он скривил губы в полной презрения улыбке:

— Одиночке, конечно, трудно добиться такого в одиночку, но если объединить усилия десятков людей, латать тут и там — разве нельзя в итоге состряпать хорошее стихотворение?

— Хэ, Сюй Ань, доказать, что эти стихи твои, проще простого.

Он указал на реку Цинхуай за окном:

— Стоит тебе прямо сейчас сочинить на месте поэму, вдохновенную видами реки Цинхуай, и мы поверим.

Вэй Цзичжэн и остальные тоже в упор уставились на Сюй Аня с вызовом на лицах.

— Чжао Гао, вы о себе слишком высокого мнения. Требовать, чтобы я, Сюй Ань, что-то вам доказывал? Вы хоть стоите того?

Сюй Ань указал на дверь и холодно бросил:

— Раз словами растолковать не удастся, так сами выметайтесь отсюда, глаза мозолите.

Видя такое отношение Сюй Аня, Чжао Гао и Вэй Цзичжэн лишь сильнее уверились в том, что их догадки верны: принесенное Сюй Анем стихотворение вышло из-под пера нанятых учителей.

Буди у него самого такой дар, при его-то характере он бы уже вознесся от гордости до небес, разве стал бы отказываться?

— Ха-ха, Сюй Ань, мы тебя раскусили!

Чжао Гао вовсю торжествовал и издевался:

— Раз даже стихи сочинять приходится нанимать чужих людей, ваши отпрыски военачальников и впрямь, кроме дикости и бесстыдства, ни на что не годны!

— Чжао Гао, ты кого тут назвал дикими и бесстыдными?

Чэн Ху с его взрывным нравом давно уже кипел от гнева.

Услышав это, он вмиг взъерошился, засучил рукава:

— По мне, так у этой своры манерных людишек шкура чешется! Братья, вломить им!

— Мать вашу! Не умеют проигрывать — так начинают плести всякую чушь! Раз так, давайте покажем им, что лучшее оружие против гнилых аргументов — это кулаки!

С этими словами Чэн Ху врезал Чжао Гао прямо в переносицу, отчего тот со всего маху грохнулся на пол.

— Вы... вы посмели распустить руки?!

— Да мы вас сейчас отметелим!

Десятка с лишним детей военачальников тут же ринулись вперед, сцепившись в кулачном бою с партийкой чиновничьих сынков и книжников.

Весь отдельный кабинет в мгновение ока превратился в руины, двери, окна и мебель почти

сразу же разлетелись в щепки...

— Эй-эй-эй... вы чего...

Сюй Ань уставился на эту картину, лишившись дар речи: неужели у древних настолько взрывные характеры?

Два дня как попал сюда, и каждый день драки — нельзя ли пожить по-мирному?

Даже Цзян Юйчжу была застигнута врасплох: она еще только-только погружалась в очарование поэзии, а опомнилась — когда бой уже вовсю кипел.

Она уже собиралась вмешаться, но Сюй Ань вдруг схватил ее за руку:

— Не останавливай, пускай бьются. Пойдем-ка лучше найдем местечко поболтать и поглазеть на зрелище, вернемся, как закончат.

Цзян Юйчжу остолбенела, растерянно глядя на Сюй Аня.

Твои друзья дерутся, а ты мало того что не помогаешь, так еще и бросить их собрался?

— У меня рана, — с железобетонным видом заявил Сюй Ань.

При этом он не забыл подбодрить Чэн Ху, который как раз оседлал Чжао Гао и осыпал того тумаками:

— Старина Чэн, бей от души, только не калечь! А то с этими цензорами потом хлопот не оберешься.

Услышав это, Чжао Гао, у которого всё лицо было залито кровью, взбеленился до предела и взревел:

— Плевать на остальных, калечьте Сюй Аня! Мне нужен только Сюй Ань!

Шесть-семь сынков чиновников тут же бросились на Сюй Аня.

— Да чтоб твою бабушку!

Сюй Ань выругался последними словами и припустил наутек.

— Барышня Юйчжу, пахнет жареным, сматываемся! Давай в другой раз продолжим беседовать о смысле жизни.

Сюй Ань бросился прямо к выходу — портить лицо ему никак не улыбалось.

Хотя это тело и нельзя назвать особо крепким (из-за чего прежний владелец слыл позором среди военных отпрысков), но вот физиономия выдалась на редкость смазливой, во всей столице мало кто мог с ним потягаться.

С другой стороны, Цинь Вэньцзянь никак не ожидала, что мирно спорившие стороны вдруг сорвутся в драку по первому чиху.

Во избежание лишних хлопот она поспешно бросила взгляд на служанку:

— Если они тут устроят такой бедлам, сюда скоро явятся Управа Цзинду и Патрульный гарнизон. Уходим.

Однако...

Стоило ей переступить порог, как она нос к носу столкнулась с мчавшимся вихрем Сюй Анем, и оба рухнули на пол.

Тело Цинь Вэньцзянь мгновенно окаменело.

Сюй Ань же, думавший лишь о спасении шкуры, уперся обеими руками ей в грудь, пытаясь подняться:

— Братец, извини, я не специально...

Не успел он договорить, как замер. Места, за которые ухватились его ладони, оказались не только мягкими, но и невероятно упругими.

Он слегка сжал их.

Мать честная!

Определенно!

Это девка!

— Ты... — только и вымолвил Сюй Ань.

Переодетая мужчиной девица залилась краской стыда, и увесистая пощечина немедленно приземлилась прямо на его лицо.

— Черт, я ведь не нарочно...

Сюй Ань попытался оправдаться, но рука девушки уже легла на рукоять гибкого меча у пояса:

— Бесстыдник, я убью тебя!

— Чэн Ху, Чэн Ху, спасите...

Спужавшийся Сюй Ань подскочил на месте, во всю мочь призывая на помощь.

В эту эпоху, заколи тебя мечом — и смерть сойдет с рук безнаказанно.

— Ты... наглец!

Завидев бегущего к ним Чэн Ху и не желая ввязываться в долгие разбирательства, Цинь Вэньцзянь лишь свирепо зыркнула на Сюй Аня и проскрежетала сквозь зубы:

— Жди меня, я тебе этого не спущу!

С этими словами она вместе со служанкой молниеносно выскользнула из борделя.

Не успели они скрыться, а Сюй Ань — перевести дух, как в Базнь Ясной Луны ворвался отряд из нескольких десятков имперских гвардейцев.

При виде гвардейцев и дети военачальников, и сынки чиновников вмиг растеряли весь свой боевой задор и дружно прекратили побоище.

Особенно Сюй Ань: завидев императорскую стражу, он тихонько развернулся и на цыпочках попытался слинять.

Коли явилась стража — жди беды.

— Маленький герцог Сюй, куда это вы намылились? Не проводить ли вас нашему слуге?

Раздался слегка насмешливый голос.

Сюй Ань поднял голову и увидел старого евнуха из свиты императрицы, стоявшего на первом этаже с улыбкой на лице.

И впрямь, это императрица решила свести с ним счеты!

Сюй Ань от страха слегка затрясся и замахал головой, точно заведенный:

— Ой, евнух Сунь, оставьте ваши любезности! У вас дел по горло, ступайте занимайтесь ими, не обращайтесь на меня внимания...

Не успел он договорить, как ощутил у самого уха свист ветра.

Медленно повернув голову, он увидел, что евнух Сунь, только что стоявший внизу, уже вырос прямо перед ним — по-прежнему с мягкой улыбкой на устах.

— Маленький герцог, Её Величество императрица изволит вас жаловать.

Сунь Квохай чуть согнулся в пояснице, жестом приглашая следовать за ним.

Глава 13

Сюй Ань сглотнул слюну, чувствуя себя на грани слез.

Вчерашнее проникновение в Резиденцию принцессы уже наделало столько шуму по всему городу.

Если он явится во дворец сейчас, разве это не самоубийство?

Как пить дать эта девчонка Сяо Ланьэр уже наговорила на него с три короба перед императрицей.

— Евнух Сунь, нельзя ли договориться...

Сюй Ань открыл рот, но евнух Сунь, прекрасно зная, что тот собирается сказать, покачал головой:

— Императрица изволила передать: если маленький герцог не пожелает явиться во дворец добровольно, этот старый слуга собственноручно переломает вам ноги... и волоком притащит

во дворец.

До чего же жестоко!

Сюй Ань чувствовал, как у него подкашиваются колени — эта карга вполне способна повернуть подобное.

— Ой... да как же можно? Я ведь так давно не видел Её Величество императрицу, и вправду пора навестить дворец и засвидетельствовать почтение.

Сюй Ань покосился на Чэн Ху:

— Чэн Ху, раз Её Величество зовет, пошли вместе...

Не успел он договорить, как заметил, что стоявший неподалеку Чэн Ху вдруг судорожно вздрогнул.

Затем неверной походкой потрепал себя по макушке и с глухим стуком брякнулся на пол!

— Отключился!

Все остальные, включая разукрашенного синяками Чжао Гао и прочих, в едином порыве задрали головы к потолку с видом: я с ним незнаком!

Тьфу, никакой солидарности.

Сюй Аню так и зачесалось кому-нибудь врезать, но, переведя взгляд на добродушно скалящегося евнуха Сунь, он был вынужден подавить гнев, покорно развернулся и поплелся вниз.

Эх, просчитался!

Знал бы — прихватил с собой Цин И.

С ней рядом, пусть бы и не победили, но хоть подмогу позвать помогла бы!

— Отведите их в Патрульный гарнизон и передайте под начало генерала Чэна.

Сунь Квохай бросил беглый взгляд на вырубившегося Чэн Ху и с улыбкой взмахнул рукой.

Гвардейцы тут же выступили вперед и повязали всех участников драки, отправляя в гарнизон.

Выбравшись из Баэнь Ясной Луны, Сюй Ань погрузился в заготовленную евнухом Сунь карету и направился к Императорскому дворцу.

Спустя полчаса экипаж пересек дворцовые врата.

Едва въехав на территорию дворца, Сюй Ань заметил Наследного принца Сяо Юаньлана, который как раз собирался отбыть.

— Сяо Юаньлан, спасай!

Сюй Ань тут же отдернул занавеску кареты, взывая о помощи.

— Стоп.

Заметив Сюй Аня, Сяо Юаньлан знаком велел евнуху Сунь остановить повозку.

Вытащив Сюй Аня за шкуру из кареты, он бросил евнуху:

— Ждите здесь, следовать за нами не смей.

Предупредив Сунь Квохая и остальных, Сяо Юаньлан оттащил Сюй Аня в тихий уголок у дворцовой стены.

— Сюй Ань, ты рехнулся? Какого черта тебя понесло ввязываться в это дело с посольством Дун Юй? Ты соображаешь, что из-за этого по глупости можно голову сложить?

Сяо Юаньлан отличался довольно мягким нравом и являлся полнейшей противоположностью буйного прежнего владельца тела, но при всей этой противоположности они были близкими друзьями.

Думаешь, я сам этого хотел?

Да меня же принудили!

Но неужто признаваться тебе и втягивать в это дело?

Сюй Ань отвесил Сяо Юаньлану звонкую затрещину по затылку:

— Ты что несешь? Этот малый взял на себя поручение исключительно ради тебя!

— Ради меня, Сюй Ань? Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Хватит сваливать на меня свои авантюры.

Сяо Юаньлан отступил на шаг, слишком хорошо зная Сюй Аня, чтобы вестись на подобное.

Сколько раз этот пройдоха уже подставлял его?

— Сяо Юаньлан, ты идиот?

Сюй Ань подступил ближе и тут же перешел на излюбленный метод окучивания:

— Император полон великих замыслов и всей душой жаждет реформ ради усиления державы, но сплоченная клика гражданских чиновников связывает ему руки, не давая развернуться.

— Прибытие посольства Дун Юй — это и угроза, но в то же время и редчайший шанс.

— Стоит нам одержать победу, как у Его Величества появится возможность навести порядок в правительстве, затеять перетасовку чиновников Великого Гань и сокрушить монополию гражданских.

— К тому же Империя Великого Гань принадлежит твоему роду Сяо, уклониться могут все, но только не ты.

Сяо Юаньлан на мгновение задумался и машинально кивнул.

К его собственному удивлению, слова Сюй Аня показались ему... вполне разумными.

Впрочем, он тут же испуганно встрепенулся:

— Сюй Ань, ты что, задумал утянуть меня с собой на тот свет?

— Иди-ка ты к черту! Сам ты на тот свет отправишься, прекрати накликать!

Сюй Ань приобнял Сяо Юаньлана за плечи:

— Братец, послушай меня.

— Нынче между Дун Юй и Великим Гань идет спор за литературную удачу. Стоит мне победить, я стану новым лицом литературного мира Великого Гань, и моя слава взлетит до небес.

— Мой отец — Великий маршал Великого Гань, в чьих руках девять гарнизонов столицы и три армии северных рубежей, под его началом сотни тысяч солдат.

— Если я сделаюсь предводителем всех книжников Поднебесной, у моего клана Сюй появятся абсолютно все условия для мятежа. Ты что, хочешь, чтобы твой батюшка приказал меня обезглавить?

Лицо Сяо Юаньлана мгновенно переменялось.

Он не был глупцом и, поразмыслив секунду, тут же уловил мысль Сюй Аня:

— Выходит, ты хочешь заставить меня занять пост главного уполномоченного, а сам собираешься помогать мне из тени, переложив всю эту славу на мои плечи?

<http://bllate.org/book/19190/1884726>